

Жонатан Свифт

Путешествия ГУЛЛИВЕРА

ЯНГИ АСР АВЛОДИ
ТАШКЕНТ
2017

821.111-311.3-93- Пурсув.

С 24

англ. мис-р

УДК: 821.8-3

ББК: 8(Ингл)

С-37

Свифт, Жонатан

Путешествия Гулливера. Жонатан Свифт / Автор русского перевода Мирзаахмед Алимов. — Ташкент: Янги аср авлоди, 2017. — 64 стр.

ISBN 978-9943-27-911-7

УДК: 821.8-3

ББК: 8(Ингл)

Автор русского перевода
Мирзаахмед Алимов

ISBN 978-9943-27-911-7

© Жонатан Свифт, "Путешествия Гулливера". "Янги аср авлоди", 2017 г.

Alisher Navoiy

nomidagi

O'zbekiston MK

2018/19

A 1316

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

Глава I

Путешествие в Лилипутию

Всю свою жизнь я с пристрастием относился к путешествиям. В юности я обучался на доктора, однако, единственной моей мечтой было, стремление, путешествуя по миру, лицезреть все новые и новые места.

Наконец, когда меня зачислили судовым хирургом на корабль, отплывающий на юг, появилась реальная возможность совершить путешествие в неизведанные края. Мы покинули Англию 4 мая 1699 года, и наше мореплавание началось весьма удачно.

Но, к сожалению, мы попали в сильнейший шторм. Ветер и волны погнали наш корабль неизвестно куда. В одну тёмную, бурную ночь ветер понёс его на острую скалу. Матросы заметили это слишком поздно. Корабль ударился об утёс и раскололся надвое. Вода

покрыла меня с головой. Когда вынырнул, возле меня никого не было. Все мои спутники утонули. Я плыл один, куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Пока хватало сил, пытался проплыть как можно дальше. И вдруг мои ноги коснулись твёрдой земли. Это была отмель. Когда вода и песок остались позади, я почувствовал, что мертвецки устал.

Вокруг не было видно ни души. Я вышел на лужайку, покрытую очень мягкой и очень низкой травой. Опустился на землю, подложил под щёку ладонь и крепко заснул. Когда проснулся, было уже совсем светло. Я лежал на спине, и солнце светило мне прямо в лицо. Хотел было протереть глаза, но не смог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелинуться.

Тонкие верёвочки опутывали все моё тело от подмышек до колен; руки и ноги были крепко стянуты верёвочной сеткой; верёвочки обвивали каждый палец. Даже мои длинные густые волосы были туго намотаны на маленькие кольшики, вбитые в землю, и переплетены верёвочками.

Вокруг слышались какие-то голоса. Вдруг что-то живое быстро вскарабкалось

на мою левую ногу, добралось до груди и остановилось у самого подбородка. Скосив один глаз, увидел, чуть ли не под носом крошечного, всего в три пальца ростом человечка! В руках у него — лук и стрела, за спиной — колчан.

Вслед за первым человечком на меня взобралось ещё десятка четыре таких же маленьких стрелков. Один из них тоненьким, но отчётливым голоском прокричал:

— Генкина дегуль!

Остальные подхватили и несколько раз повторили эти слова, но я не понял, что они означают, хотя знал много иностранных языков.

Долго я лежал на спине. Мои руки и ноги совсем затекли.

Собрав силы, попытался оторвать от земли левую руку. Наконец, это мне удалось. Я выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких, крепких верёвочек, и поднял руку. Маленькие человечки бросились наутек. Поднялся невообразимый переполох, и в ту же минуту кто-то внизу громко пропищал:

— Тальго фонак!

Мгновенно в мою руку, лицо, шею разом вонзились сотни стрел. Они были тоненькие и острые, как иголки. Чтобы уберечь от них глаза, заслонил лицо левой ладонью.

Закрыв глаза, решил лежать, не двигаясь, пока не наступит ночь. «Раз мне удалось высвободить левую руку, в темноте легче будет совсем освободиться от пут», — подумал я. Верилось, что смогу противостоять даже самой мощной армии этих малюсеньких существ.

Однако события приняли совсем другой оборот.

Человечки, убедившись, что я притих, прекратили свою атаку.

Недалеко от моего правого уха, слышался частый, дробный стук, будто кто-то рядом вколачивал в доску гвоздики. Молоточки стучали целый час. Слегка повернув голову — повернуть ее больше не давали верёвочки и колышки — и возле самой головы, увидел только что построенный деревянный помост. Несколько человек прилаживали ко мне лестницу.

Потом они убежали, и по ступенькам чинно поднялся на помост человек в длинном плаще. Рост его не превышал длину моего пальца. Я догадался, что это какая-то важная особа.

Человек в плаще развернул свиток длиной и шириной с берёзовый листок. Он читал и говорил долго-долго. Я ничего не понял, но на всякий случай, кивнул головой, подав знак, что согласен на все мирные предложения.

Меня мучил чертовский голод. Приподняв палец, несколько раз преподнёс его к своим губам, стараясь объяснить своё желание.

Должно быть, человек в плаще понял этот знак. Он сошёл с помоста, и тотчас же к моим бокам приставили несколько длинных лестниц.

Не прошло и четверти часа, как сотни сгорбленных носильщиков потащили по ним лестницам корзины с едой.

В них были тысячи хлебов величиной в горошину, целые окорока — с грецкий орех, жареные цыплята — меньше нашей мухи. Я проглотил сразу два окорока вместе с тремя хлебцами. Маленькие человечки в меру своих возможностей старались накормить меня, не переставая удивляться моими габаритами и аппетитом.

Когда корзины опустели, жестами и мимикой дал знать, что хочу пить. Тогда человечки подкатили к моей руке две бочки с вином. Они были огромные — каждая со стакан.

Я вышиб дно одной из них, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Когда закончил трапезу, маленькие человечки, радостно крича, пустились в пляс на моей груди.

Признаюсь, мне очень захотелось сбросить с себя десяток — другой этих маленьких прыгунов, мешающих мне спать. Однако,

вспомнив данное обещание вести себя мирно, отогнал от себя эту мысль.

Как-никак, а человечки только что гостеприимно накормили меня вкусным, сытым обедом, и было бы неблагородно переломать им за это руки и ноги.

Как только пиршество завершилось, появился гонец императора. Его сопровождали около двадцати человечков. Вскарабкавшись по моей ноге, гонец приблизился к моему лицу. Он минут десять что-то мне говорил, тыкая в воздух, словно шило, свой указательный палец. Как потом я узнал, он так указывал мне, в какой стороне находилась столица, куда указал доставить меня император.

Своей свободной рукой я жестами намекнул, что следовало бы освободить от связывающих меня верёвок. Когда гонец закивал головой, я подумал, что он понял меня. Однако он также знаками пояснил мне, что со своими слугами должен доставить меня как пленника.

Пятьсот плотников и инженеров, по приказу императора, приступили к постройке огромной телеги. Это было деревянное сооружение,

возвышающееся над землёй на три дюйма, длиной семь футов, шириной четыре фута и движущиеся на двадцати двух колёсах.

Чтобы оторвать меня от земли и погрузить на телегу, были отобраны девятьсот силачей, собранных для этой работы со всех концов империи. Они были снабжены толстыми канатами с крючками на одном конце.

Почти три часа ушло на то, чтобы перетащить и прочно закрепить меня на телеге. Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая

ростом с новорожденного котенка, а это значит, что их рост достигал четыре дюйма, потянули меня в сторону города. Обо всем этом мне рассказали позже. Я же,

во время всех этих событий, крепко спал из-за сонного порошка, подмешанного в вино.

Глава II

Битва против Блефуску

Недалеко от императорского дворца на площади стоял старинный заброшенный костёл с двумя угловыми башнями, это было самое большое здание в Лилипутии. Меня решили разместить в нём.

Вдруг что-то стукнуло по моей ноге. Чуть приподняв голову увидел несколько лилипутов с засученными рукавами и в чёрных передниках. Крошечные молоточки блеснули у них в руках. Это придворные кузнецы заковывали меня в цепи.

От стены костёла к моей ноге они протянули четыре цепочки такой толщины, как делают обыкновенно в Европе для дамских часов, и замкнули их у меня на щиколотке пятьюдесятью висячими замками.

Чтобы поглазеть на меня собрались тысячи любопытных, и хотя конная стража отгоняла их, но все-таки добрых десять тысяч человечков, приставив лестницы, успело прогуляться по моей груди, плечам и коленям. Но очень скоро, изданный императором закон, запретил им это делать.

Кузнецы кончили работу и отошли. Убедившись, что я не смогу сбежать, стража перерубила веревки, и я, опечаленный неволей, встал на ноги. Прикованные ногам цепи, позволяли мне лишь чуть-чуть передвигаться вперёд или назад, заползая через двери в костёл, башни которого были в человеческий рост. Даже такой великан, как я, мог спать на полу, свернувшись в три погибели.

Очень скоро ко мне пожаловал сам император, Его величество был, по крайней мере, на целый ноготь выше своих придворных. Он был ростом в три с лишним пальца и, наверное, считался в Лилипутии очень высоким человеком.

Император пытался поговорить со мной около трех часов, и хотя я пытался отвечать ему на всех языках, которые знал, мы так и не смогли понять друг друга.

После отъезда императора и его свиты, меня охраняла оставленная им стража, вооруженная копьями, луками и мечами.

И хотя меня охраняли две тысячи солдат, выстроившиеся перед костёлом, но все-таки кучка горожан прорвалась сквозь строй. Когда я присел на ступеньки своего жилища, некоторые из них швыряли в меня камешки или целились из луков в мои жилетные пуговицы. Меткая стрела поцарапала мою шею, вторая стрела — чуть не попала в левый глаз. Начальник стражи велел задержать шестерых озорников, решив, что лучшей карой для них будет передать их со связанными руками мне.

Я нагнулся, сгрёб всех одной рукой и сунул в карман своего камзола. Только одного человечка я оставил у себя в руке, осторожно взял двумя пальцами и стал рассматривать. Потом притворился, что собираюсь его съесть. У бедняги от страха сердце ушло в пятки. А после того, как я достал из кармана жилетки перочинный ножик, толпа, и все стражники внизу, притихли от ужаса. Однако, когда

я тихонько перерезал одну веревочку, перерезал другую и поставил человечка на землю, все вокруг вздохнули с облегчением. Потом я по очереди отпустил и тех лилипутов, которые металась у меня в кармане. Было заметно, что воины и толпа остались довольны моим великодушием.

Между тем, император собрал тайный совет и долго-долго совещался с его членами, решая, что со мной делать. Одни говорили, что если я порву свою цепь и сбегу, могу растоптать всю страну, а если даже не убегу, империи грозит страшный голод, потому что себе дороже обойдется прокормить меня.

Другие доказывали, что меня следует заморить голодом, или, по крайней мере, умертвить с помощью отравленных стрел, однако, они опасались, что если я погибну, то от разложения такого громадного трупа, может начаться чума не только в столице, но и во всей империи.

В разгар совещания открылась дверь, и в зал тайного совета вбежали два офицера, которых

прислал к императору начальник стражи. Они рассказали, как милосердно я обошёлся со своими шестью пленниками. Это известие произвело положительное впечатление, он тут же распорядился всем населённым пунктам империи каждое утро доставлять мне сорок баранов, тридцать петухов, большое количество хлеба, вина и воды, а также другое съестное. Кроме того, он отрядил шестьсот человек для моего обслуживания. Они поселились в палатках с двух сторон моей двери. Шестерым, самым знаменитым ученым, было велено обучать меня лилипутскому языку.

Через три недели я стал хорошо понимать, что говорят вокруг, а через два месяца и сам научился разговаривать с жителями Лилипутии. Император был этим весьма удовлетворен и частенько посещал меня, чтобы побеседовать со мной.

На первых же уроках я затвердил одну фразу, которая нужна была мне больше всего: «Ваше величество, я умоляю Вас отпустить меня на свободу». Каждый день, стоя на коленях, я повторял эти слова императору, но тот отвечал всегда одно и

то же: «Мне необходимо время, чтобы подумать, а потом, я не могу освободить тебя, пока ты не поклянешься мне жить в мире со мной и со всей моей империей».

Моя кротость и поведение привели к тому, что император и все лилипуты мало-помалу привыкли ко мне и перестали меня бояться. И я не сомневался, что в ближайшее время добьюсь... освобождения.

Частенько по вечерам я ложился на землю перед своим кастёлом и позволял пятерым или шестерым человечкам плясать у себя на ладони. Дети играли в прятки прямо у меня в волосах. Наконец, после беспрестанных просьб императору освободить меня, ко мне был направлен посол, который должен был ознакомить меня с условиями моего освобождения. Посол громогласно огласил их мне:

«Во-первых, Человек-Гора не имеет права выезжать за пределы империи, пока не получит от нас разрешения;

Во-вторых, он не должен входить в нашу столицу, не предупредив о том городские власти, а, предупредив, должен два часа ждать у главных ворот, дабы все жители успели спрятаться в дома;

В-третьих, Человек-Гора, во время прогулок обязан внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить кого-нибудь из наших любезных подданных, а также, их лошадей с каретами и телегами;

В-четвертых, он обещает быть нашим союзником в случае войны с враждебным нам островом Блефуску, и употребить все усилия на то, чтобы уничтожить неприятельский флот, который угрожает нашим берегам».

Взамен выполнения моих обещаний, в императорском свитке особо подчеркивалось, что он гарантирует ежедневно снабжать меня едой и напитками. Как только я поклялся сполна исполнить свои обещания, с меня сняли цепи и освободили.

Спустя две недели после моего освобождения, утром ко мне домой наведася государственный секретарь императора Рельдрессель. Он попросил выслушать его. Чтобы ему было удобно разговаривать со мной, я собрался прилечь, но Рельдрессель предпочёл говорить стоя на моей ладони.

Свою речь он начал с восхваления моей свободы, однако, подчеркнул он, я не добился бы её так скоро, не будь сегодняшней критической ситуации.

— Причиной тому, угроза быть завоёванной со стороны войска могущественного врага, —

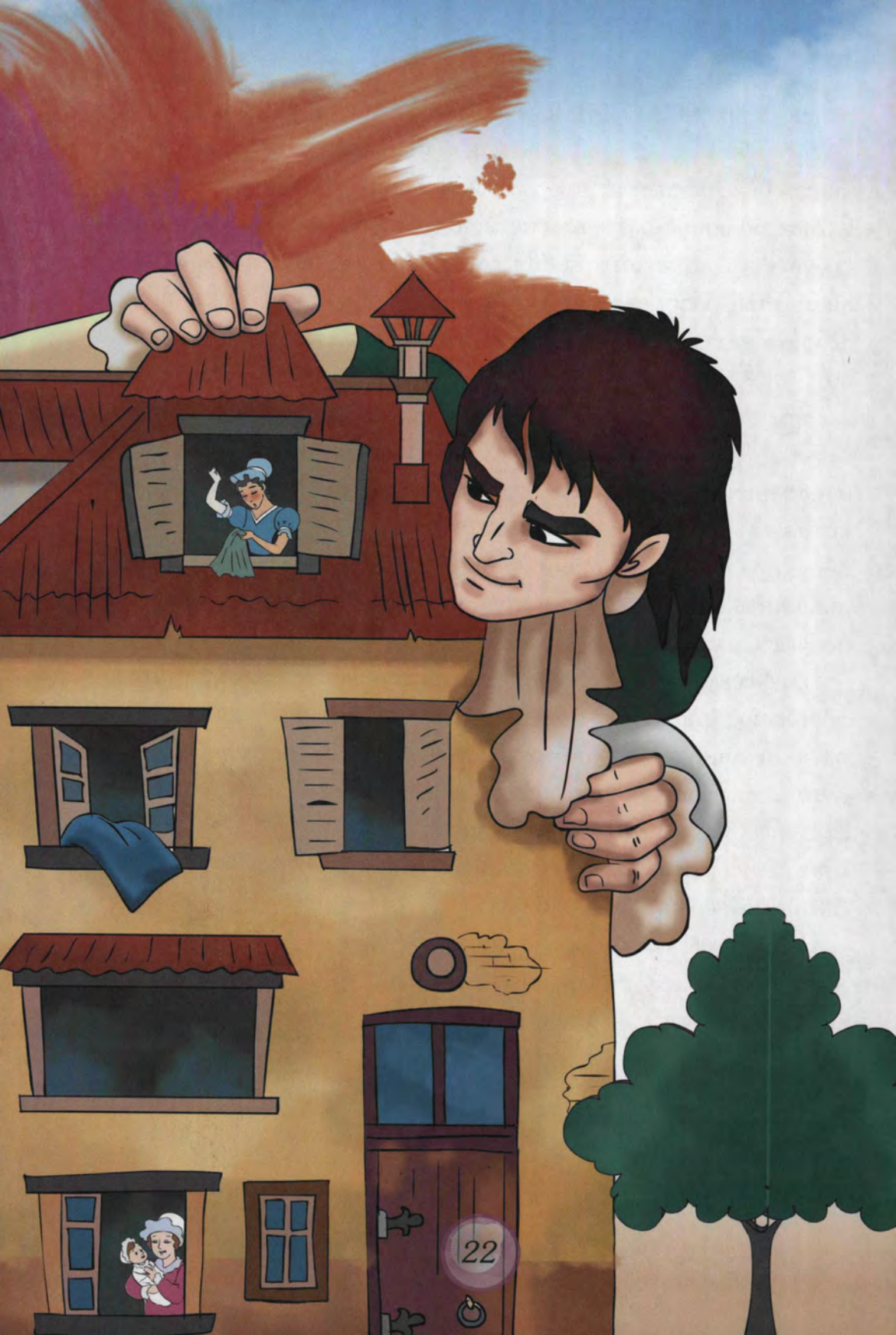

пояснил он. — Лилипутия опасается нападения со стороны Блефуску. Эта страна такая же большая и сильная, как наша. Она является вторым мощным государством мира. Самое большое разногласие между народами Лилипутии и Блефуску - с какого конца разбивать варёные яйца. Мы, лилипуты, разбиваем яйца с острого конца, а блефусканцы делают это с тупого. Из-за этого разногласия обе империи вот уже много лет ведут кровопролитную войну. Из-за неё мы лишились сорока кораблей, тридцати тысяч самых опытных моряков и солдат. Теперь наши враги для нападения на нас собрали огромную армию. Наш император, который верит в ваше мужество и силу, приказал мне обсудить с вами этот вопрос. Я попросил Рельдрессельда доложить императору о готовности защитить его страну от посягательств любых завоевателей.

Блефуску — это остров, отдалённый от Лилипутии довольно широким проливом. Я отправился на берег, раскинувшийся напротив Блефуску, и спрятался за бугорком. Вынув из потайного кармана подзорную трубу, стал рассматривать неприятельский флот. Оказалось, что у блефускуанцев ровно пятьдесят военных кораблей.

Я отполз от бугорка подальше, чтобы с блефускуанского берега меня не заметили, стал на ноги и

отправился во дворец к императору. Я попросил доставить мне побольше самых прочных верёвок и самых толстых железных палок. Их верёвки были наподобие бечёвок, тех, которыми в Англии обвязывают мешки, а палки — были похожи на спицы. Я сплёл для пушей прочности по дюжине верёвок вместе и выгнул из спиц крючки. Прихватив с собой пятьдесят прочных канатов с пятьюдесятью крючками на концах, я вернулся на берег.

Сняв кафтан, башмаки и чулки, шагнул в воду. Сначала я шёл вброд, потом на середине пролива поплыл. Завидевшие меня блефускуанцы, не помня себя от страха, стали бросаться с бортов в море и поплыли к своему берегу.

Я снял с плеча связку канатов, зацепил все носы кораблей крючками, а концы канатов связал в один узел.

Когда я был занят делом, в меня полетели тысячи стрел. Они вонзались мне в щёки, лоб, подбородок и боль, порядком, мешала завершить начатое дело. Закрепив все крючки и собрав воедино канаты, я стал тянуть их за собой.

Я плыл в сторону берегов Лилипутии, с лёгкостью увлекая за собой пятьдесят самых больших кораблей. Увидев, как я тяну их за собой, блефускуанцы негодуя, горестно и громко закричали. Я же благополучно дотянул их военный флот до берегов Лилипутии.

Глава III

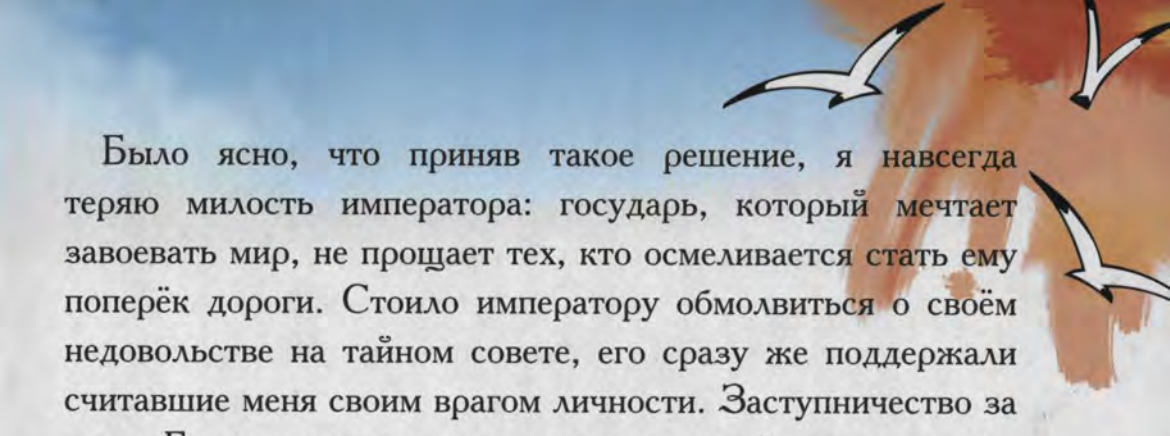
Пожар в замке

Император и народ Лилипутии, увидев, как я приволок к причалу все вражеские корабли, возбуждённо ликовали. Как только я вышел на сушу, император пожаловал мне почётный во всей империи титул «нардака».

Спустя совсем немного времени, после моего триумфа, император объявил мне новую высочайшую милость. Он поручил увести все оставшиеся у неприятеля корабли — транспортные, торговые и рыболовные.

По-моему, он задумал обратить империю Блефуску в одну из провинций Лилипутии. Разгромив «остроконечников» (так называли жителей Блефуску), заставить всех своих подданных разбивать яйца с тупого конца и, в конце концов, стать единоличным владыкой всего мира.

Я попытался отговорить его от этой затеи, и, сказав, что не желаю, чтобы свободный народ был обращён в рабство, отказался исполнить его поручение.

Было ясно, что приняв такое решение, я навсегда теряю милость императора: государь, который мечтает завоевать мир, не прощает тех, кто осмеливается стать ему поперёк дороги. Стоило императору обмолвиться о своём недовольстве на тайном совете, его сразу же поддержали считавшие меня своим врагом личности. Заступничество за народ Блефуску окончательно лишило меня благосклонности императора и всего его двора.

Через несколько дней в полночь я проснулся от криков толпы у крыльца моего жилища. Сообщив о пожаре в спальнях покоях принцессы, лилипуты стали умолять меня сейчас же проследовать к её замку.

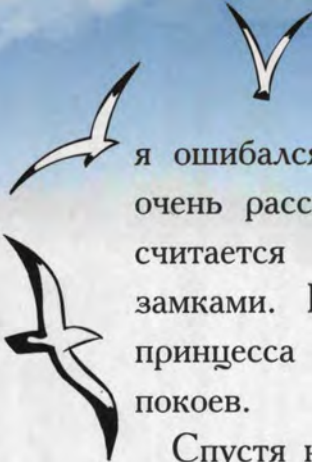
Тут же вскочив с постели и опасаясь нечаянно раздавить кого-нибудь, я быстро и осторожно ступая, добрался до дворца.

Лестницы уже были прислонены к стенам дворца, люди со всех сторон несли полные вёдра воды для тушения огня. Однако, водоём от места возгорания был очень далеко, а вёдра были совсем малюсенькими.

По всему было видно, что ситуация критическая, и если бы вдруг меня не осенила спасительная идея, то этот громадный замок сгорел бы дотла.

Вечером, перед сном, я выпил большое количество вина, так что я был полон жидкости. Целясь в места, где сильнее всего полыхало пожарище, помочился. Это и помогло спасти прекрасный замок.

Я вернулся домой ничуть не сомневаясь, что император и его супруга, будут весьма довольны моим поступком. Однако

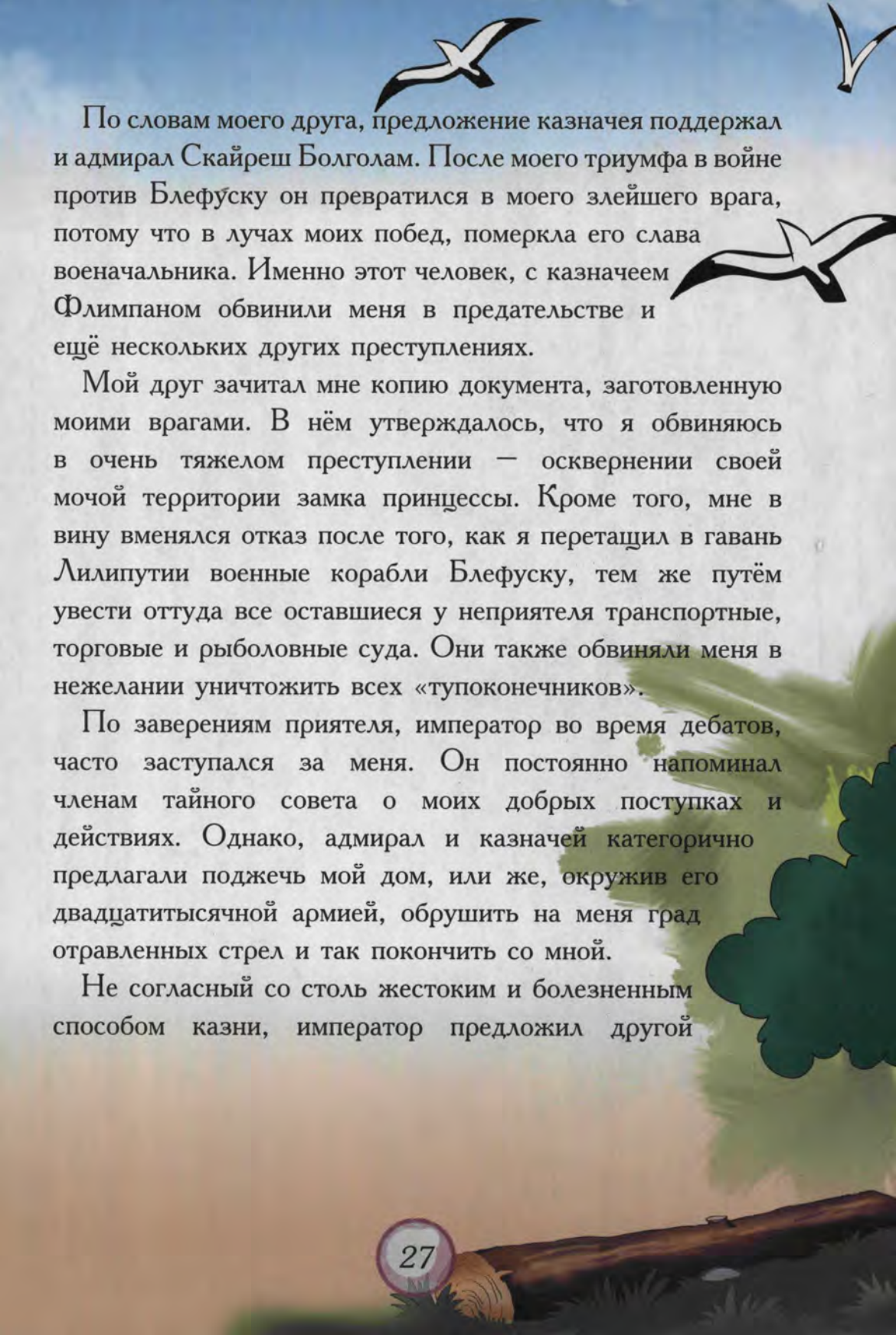

я ошибался. Вскоре мне стало известно, что принцесса очень рассержана на меня. Оказывается, в Лилипутии, считается страшным преступлением мочиться рядом с замками. Посчитав, что её недвижимость осквернена, принцесса после всего случившегося, отказалась от своих покоев.

Спустя немного времени после этого происшествия, ко мне наведася сблизившийся со мной придворный. Он заглянул ко мне поздней ночью. Выказав мне своё большое уважение, он предупредил, что вот уже второй месяц, как в тайном совете против меня зреет заговор.

Он сказал, что во главе заговорщиков стоит возненавидевший меня с первых дней знакомства, казначей Флимнап. Именно он уговорил императора как можно быстрее избавиться от меня, ибо, по его мнению, моё содержание и расходы съестных продуктов, очень скоро обрушат экономику страны и погубят её.

По словам моего друга, предложение казначея поддержал и адмирал Скайреш Болголам. После моего триумфа в войне против Блефуску он превратился в моего злейшего врага, потому что в лучах моих побед, померкла его слава военачальника. Именно этот человек, с казначеем Флимпаном обвинили меня в предательстве и ещё нескольких других преступлениях.

Мой друг зачитал мне копию документа, заготовленную моими врагами. В нём утверждалось, что я обвиняюсь в очень тяжёлом преступлении — осквернении своей мочой территории замка принцессы. Кроме того, мне в вину вменялся отказ после того, как я перетащил в гавань Лилипутии военные корабли Блефуску, тем же путём увести оттуда все оставшиеся у неприятеля транспортные, торговые и рыболовные суда. Они также обвиняли меня в нежелании уничтожить всех «тупоконечников».

По заверениям приятеля, император во время дебатов, часто заступался за меня. Он постоянно напоминал членам тайного совета о моих добрых поступках и действиях. Однако, адмирал и казначей категорично предлагали поджечь мой дом, или же, окружив его двадцатитысячной армией, обрушить на меня град отравленных стрел и так покончить со мной.

Не согласный со столь жестоким и болезненным способом казни, император предложил другой

способ. Он решил заметно ограничить количество доставляемых мне провиантов. Выходило, что ослабев в результате этого, через каких-то несколько месяцев, я помру от истощения. Планировалось, что когда я оставлю сей бранный белый свет, пять или шесть тысяч лилипутов, за два-три дня, отделив моё мясо от костей, на телегах вывезут и закопают его где-то подальше, а скелет оставят как реликвию для будущих поколений.

Предупредив о заговоре, мой благодетель так же тайком, как пришел, покинул меня. Я остался один на один в тисках страха, не переставая думать о том, что же предпринять.

В какой-то момент я подумал, что значительно превосхожу жителей Лилипутии своими габаритами и если нападу на них, окажусь победителем, ведь обрушив на город град камней, могу до основания разрушить его. Однако, вскоре, я отбросил прочь эти мысли, вспомнив о своих мирных обещаниях, данных императору. Я не мог забыть его доброту по отношению ко мне и пожалованный им титул «нардака».

Я имел право каждый день разгуливать вдоль берега и любоваться морскими волнами. Эта ежедневная процедура стала для меня привычной. И хотя теперь, в глубине души, я страдал и скорбил, но чтобы никто не догадался и не заподозрил неладное, старался казаться как всегда спокойным и беззаботным.

И вот в один из таких дней, разгуливая вдоль берега, далеко в море заметил похожий на днище опрокинутой лодки предмет. Моё сердце учащённо забилося от нахлынувшей радости. Я снял башмаки, чулки и пошёл вброд посмотреть, что же это такое. Да, это была лодка! Вероятно, буря оторвала её от корабля и прибила к берегу.

Я осмотрел лодку со всех сторон. Она была в отличном состоянии.

24 сентября 1701 года, ранним утром, я тайком отплыл на этой лодке от берега. На третий день пути, около пяти часов дня, я заметил вдали парус, который двигался, пересекая мне путь. Ближе к вечеру я догнал корабль. Это было английское торговое судно. Невозможно описать мою радость от осознания, что, наконец, я доберусь до моей родины. Матросы возвращались из Японии в Англию, они подняли меня на борт. 13 апреля 1702 года мы добрались до берегов Англии. Когда я вкратце поведал капитану и матросам о своих похождениях в Лилипутии, они не поверили мне и посчитали человеком, потерявшим рассудок.

Глава IV

Путешествие в Бробдингней

Я прожил дома не долго. Не успел я хорошенько отдохнуть, как меня снова потянуло в плавание. Одним словом, через два месяца после своего возвращения в Англию, желая повидать новые неизведанные земли, я отправился в новое

дальнее путешествие. На сей раз я отплыл на борту судна, направляющегося в Индию.

Когда корабль был уже недалеко от острова Мадагаскар, легкий западный ветер сменился жестоким ураганом. Двадцать дней наш корабль гнало далеко на восток. Даже самые старые и бывалые матросы не могли сказать, в какую часть света нас забросило.

16 июня 1703 года показалась земля. Капитан приказал бросить якорь и послал к берегу баркас с десятью матросами, чтобы они пополнили запасы пресной воды. Я напросился на берег вместе с ними, чтобы повидать чужие края.

В поисках пресной воды матросы разбрелись по берегу. Я побрел наугад, с любопытством оглядывая новые места, но не увидел ровно ничего интересного. Усталый и недовольный, я медленно зашагал назад, к бухте.

Я обогнул какой-то огромный камень и вдруг испуганно остановился. Что такое? Матросы уже сели в баркас и что есть силы гребли к судну. Как же это они оставили меня одного на берегу? Что случилось? Я хотел громко закричать, окликнуть матросов, но язык у меня во рту, словно окаменел.

И немудрено. Из-за прибрежной скалы внезапно вышел человек огромного роста — сам не меньше этой скалы — и погнался за лодкой. Море, едва доходило ему до колен. Он делал громадные шаги, однако он не смог захватить матросов.

У меня от ужаса закружилась голова. Я упал на землю, пополз меж камней, а потом поднялся на ноги, и сломя голову, побежал сам, не зная куда.

Задыхаясь, я взбежал по склону крутого холма и огляделся.

Вокруг все было зелено. Со всех сторон меня обступали рощи и леса.

Я спустился с холма и пошёл, как мне показалось, по широкой дороге. Справа и слева сплошной стеной стоял густой лес — гладкие голые стволы, как у сосен.

Закинув голову, чтобы поглядеть на верхушки деревьев, я так и ахнул. Это были не сосны, а колосья ячменя вышиной в двадцать футов.

Немного спустя, я увидел человека, который с соседнего поля перебирался в мою сторону, он тоже был таким же огромным, как тот человек, который погнался за нашим баркасом. Он был ростом с церковь, каждый его шаг равнялся десяти ярдам.

Я в ужасе кинулся в ячменную чашу и притаился, спрятавшись за толстый колосок.

Из своей засады я увидел, как великан помахал рукой и, обернувшись, что-то громко закричал. Должно быть, он просто звал кого-то, но мне показалось, будто гром грянул в ясном небе.

Вдалеке прозвучало несколько таких же раскатов, и через минуту, рядом с великаном, оказалось еще семеро парней такого же роста. Наверное, это были работники. Они были одеты проще и беднее первого великана, и в руках у них были серпы.

Выслушав своего хозяина, великаны один за другим спустились на поле, где я прятался, и принялись жать ячмень.

Я, не помня себя от страха, кинулся назад, в чащу колосьев. По мере своих возможностей я старался убежать как можно подальше. Однако они двигались очень быстро, и мне не удавалось оторваться от них.

Вскоре жнецы вплотную приблизились ко мне. Я понял, что мне ни за что не выбраться из этой чащи. Силы оставили меня. Я лёг в борозду и уткнулся лицом в землю. Слёзы так и потекли у меня из глаз. Я представил своих детей в Англии, которые теперь останутся без отца, свою супругу, которая вот-вот овдовеет. Я пожалел, что не послушался своих друзей и близких остаться дома, и вопреки их доброму совету, совершив глупость, во второй раз отправился в путешествие.

Я невольно вспомнил, что ещё совсем недавно, в стране лилипутов сам чувствовал себя великаном. Там я мог опустить себе в карман всадника с лошадью, мог одной рукой тянуть за собой целый неприятельский флот. Я вспомнил о своих делах, вписанных в историю целой империи, о которых будут помнить всегда, а теперь я —

лилипут среди великанов, и меня, Человека-Гору, того и гляди, упрячут, как упрятали бы в Англии крохотного человечка в карман. Я ощутил на себе, как это больно и унижительно. Один из жнецов незаметно подошёл ко мне и остановился над самой моей головой. Стоит ему опустить ногу, и он, наверняка, растопчит меня. Я отчаянно вскрикнул, и великан услышал мой крик. Он нагнулся и стал внимательно осматривать землю и даже шарить по ней руками.

Сдвинув в сторону несколько колосьев, он увидел меня. С минуту он опасливо рассматривал меня, потом, ухватив двумя пальцами за бока, поднёс к самым глазам.

Мне показалось, что какой-то вихрь поднял меня с земли на высоту шестьдесят футов. Сердце моё оборвалось. «А что, если он с размаху швырнёт меня на землю, как мы бросаем жуков или тараканов?» — с ужасом подумал я. И хотя мне было больно меж его пальцев, я умоляюще сложил руки и сказал, как можно вежливо и спокойно:

«Умоляю вас, дорогой великан, пощадите меня! Я не сделаю вам ничего дурного».

Мне повезло. Великан вздрогнул, посмотрел на меня и ухватил покрепче, чтобы не уронить. И хотя он не понял меня, ему явно по душе пришлись мой голос и мои повадки. Он удивлённо смотрел на меня, было видно, что я ему понравился. Он приподнял полу кафтана и, осторожно положив в нее свою находку, побежал на другой конец поля. «Несет к хозяину», — догадался я.

Увидев меня земледелец, который и был хозяином, удивился ещё больше, чем работник. Он долго рассматривал меня, потом осторожно опустил на землю. Я стал гордо разгуливать перед великанами. Сняв с головы шляпу, отвесил поклон земледельцу.

Он попытался поговорить со мной, но я не понял ни слова. Высоко подняв голову, я произнёс громко и раздельно

приветствия на нескольких языках. Чтобы меня услышать великан несколько раз ложился на землю, поднося ко мне свое ухо, однако всё было понапрасну. Мы так и не поняли друг друга.

Затем он, положив меня в карман, забрал домой. Позвав жену, показал ей меня.

Точно также, как и у нас в Англии, женщины визжат завидев паука или лягушку, она громко взвизгнула, вскочила с места. Однако, скоро великанша разглядела меня и перестала бояться, и ей понравилось, как я учтиво кланяюсь ей и ее супругу, снимая и надевая шляпу.

Прислуга подала обед, вся семья земледельца разместилась вокруг стола. Хозяин дома поставил меня на возвышавшийся от земли на тридцать футов стол. Я испугался, осторожно ходил между тарелками и старался держаться подальше от края стола. Хозяйка отрезала маленький ломтик мяса, отломил кусочек хлеба и положила всё это передо мной.

После обеда земледелец, передав попечительство надомной супруге, вернулся в поле. Я очень устал, почувствовав это, хозяйка уложила меня на свою постель и укрыла чистым носовым платком. Я проспал больше двух часов. Проснувшись, я продолжил лежать, зажмурив глаза.

Едва только я задремал, как услышал, что кто-то тяжело соскочил с полога на постель, пробежал по подушке и остановился возле меня. Крыса! От испуга я отскочил в сторону, выхватил шпагу и стал защищаться.

Мерзкие твари нападали на меня с двух сторон. Одна из крыс осмелела настолько, что упёрлась лапами прямо в мой воротник. Одним ударом шпаги распорол зверю брюхо. Крыса упала, обливаясь кровью, а другая пустилась наутёк.

Но тут уж я погнался за нею, настиг у самого края постели и отрубил ей хвост. С пронзительным визгом она скатилась куда-то вниз, оставив за собой длинный кровавый след.

Отвратительные
бурые крысы
были величиной с
большую дворнягу,
и выглядели весьма
кровожадными. Если бы я уснул, сняв свой ремень со
шпагой, они наверняка растерзали бы меня.

Я вернулся к умирающей крысе. Она ещё дышала. Сильным ударом я прикончил её. Она валялась, истекая кровью, и была омерзительной.

В эту самую минуту в комнату вошла хозяйка. Увидев меня всего в крови, она в испуге подбежала к постели и хотела взять меня на руки.

Но я, улыбаясь, протянул ей свою окровавленную шпагу, а потом показал на мёртвую крысу, и она все поняла.

Позвав служанку, она велела ей сейчас же взять крысу щипцами и выбросить вон за окошко.

Глава V

Зрелище для народа

У моих хозяев была дочка. Ей было девять лет. Она и начала заботиться обо мне. У неё была игрушечная колыбелька, которую она отдала мне. Вечерами она ставила колыбельку на полку комода, прибитую под самым потолком, чтобы крысы не могли добраться до меня.

Девочку звали Глюмдальклич, а она меня назвала Грильдригом, что означало человек. Она сшила мне малюсенькие рубашки и каждый день учила меня языку великанов. Она заботливо ухаживала за мной. Если я и выжил в этой стране, так только благодаря этой заботливой девочке.

А между тем слух о том, что мой хозяин нашёл у себя на поле удивительного зверька, распространился по всем окрестностям. Говорили, что зверёк крошечный, меньше белки, но с виду очень похож на человека: ходит на двух ногах, стрекочет на каком-то своём наречии, но уже немного научился говорить и на человеческом языке. Он

понятливый, послушный, охотно идёт на зов и делает всё, что ему приказывают.

И вот в один прекрасный день в гости к хозяевам приехал их старый приятель. Он сразу же спросил у них, правда ли, что они нашли какого-то удивительного зверька. Девочка тут же побежала, принесла меня и поставила на стол. Выполняя приказы, я маршировал вдоль и поперёк стола, по команде вынимал из ножек свою шпагу и вкладывал её обратно, и как велела Глюмдадькич, кланялся гостю, спрашивая у него, как он поживает.

Друг хозяина был очень скупым и жадным типом. Это доказывал и совет, который он дал хозяину. Он посоветовал

отвезти меня в ближайший город, и в первый же базарный день, показать меня там за деньги.

Об этом мне поведала Глюмдальклич. Обливаясь слезами, она сказала, что, видно папа и мама опять хотят поступить с ней так же, как в прошлом году, когда они подарили ей барашка: не успела она его откормить, как они продали его мяснику. И нынче, то же самое: они уже отдали ей меня насовсем, а теперь собираются возить его ярмаркам, показывая за деньги.

Послушав совета своего приятеля, мой хозяин, в очередной базарный день, упрятав меня в ящик, захватив с собой дочь, отправился в город.

Окошек в ящике не было. В нём была только небольшая дверца, через которую я мог входить и выходить, да несколько отверстий в крышке для доступа воздуха.

Хозяин не хотел терять ни минуты дорогого времени. Как только мы добрались до города, он снял в гостинице самую большую комнату, распорядился поставить посередине широкий стол. Меня поставили на него, а Глюмдальклич взобралась на табуретку, чтобы охранять меня и подсказывать, что я должен делать.

В комнате, где шло представление, помещалось не больше тридцати человек. По команде своей опекуны

я маршировал взад и вперед, вынимая из ножек свою шпагу, и размахивал ею. Потом она задала мне несколько вопросов, составленных из слов, которые я знал. Я отвечал на них громко и четко. Повернувшись к толпе, отвесил поклон, произнёс заученную заранее речь. Под конец, взяв напёрсток, наполненный вином, отпил из него за здоровье публики.

В тот день мне пришлось двенадцать раз подряд повторять одно и то же.

Посмотревшие моё представление восхищенно делились с согражданами об удивительном зрелище. Это вызвало небывалый ажиотаж возле гостиницы, страждущая толпа чуть не разнесла её двери.

Мой хозяин объявил собравшимся, что на будущей недели представление вновь состоится. Когда мы возвращались домой после безостановочных выступлений в течение

восьми часов, я так измучился, что еле ворочал языком и переступал ногами.

Да и дома, в деревне, у меня не было ни минуты покоя. Окрестные помещики, наслышавшись рассказов о диковинном человечке, приезжали к моему хозяину и требовали, чтобы он показал им меня. И теперь я каждый день с утра до вечера бегал по столу, потешая публику.

Хозяин понял, что показывать меня очень выгодно. Недолго думая, он решил объехать со мной все крупные города великанов. Сборы были недолгие, хозяин, Глюмдальклич, и я, размещённый в коробке, прицепленный к её поясу, отправились в дальнюю дорогу.

Наше путешествие длилось семь недель, за это время мы проехали восемнадцать больших городов, в которых я выступал. Наконец, наше путешествие окончилось, и мы прибыли в столицу.

Хозяин нанял в гостинице большую залу и расклеил по всему городу афиши с рекламой о представлении. Иной раз мне приходилось показываться публике по десяти раз в день.

Я чувствовал, что долго мне этого не выдержать, мое здоровье заметно ухудшалось. Но хозяин и думать не хотел ни о какой передышке и становился всё жаднее.

Почувствовав, что я долго не протяну, решив заработать на мне как можно больше денег, задумал продать меня. Как раз тогда, когда он был занят этими мыслями, в гостиницу явился один из адъютантов короля и потребовал, чтобы меня немедленно доставили во дворец, чтобы я выступил перед королевой.

Оказалось, что королеве так много рассказывали о моём удивительном обличии и моих великолепных выступлениях, что та захотела непременно поглядеть на меня сама. Королева была в восторге от меня. Она милостливо протянула мне свой мизинец, и я, бережно обхватив его двумя руками, приложился к ее ногтю.

Королева задала мне несколько вопросов, Я отвечал на них точно, коротко, вежливо и так громко, как только мог.

Тогда она спросила меня, не хочу ли я остаться у неё во дворце. Я ответил, что буду счастлив служить ей. Через минуту мой хозяин уже стоял перед королевой. Она спросила его, сколько он хочет получить за меня. Немного подумав и решив, что я не протяну и месяца, хозяин оценил меня в тысячу золотых. Королева велела тут же исполнить его желание.

Я взмолился королеве не разлучать меня с моей дорогой Глюмдальклич, моей нянюшкой и учительницей. После согласия её величества, девочка чуть не подпрыгнула от радости.

Хозяин, уложив деньги в свой дорожный мешок, пожелал мне удачи на новой службе. А ещё он был рад, что пристроил дочь во дворце.

Я не отвечая, еле кивнул ему головой.

Заметив моё прохладное отношение к земледельцу, королева поинтересовалась причиной этого. Я пояснил, что обязан ему только тем, что меня не раздавили и не растоптали, когда нашли у него на поле.

Я подчеркнул, что за это одолжение я с избытком расплатился с ним теми деньгами, которые он нажил, показывая меня по всем городам и деревням. Этот жадный человек заставлял без отдыха выступать меня перед толпой и чуть ли не довел до смерти, подорвав мое здоровье.

Я не приминул подчеркнуть и то, что теперь более не боюсь быть подвергнутым такому безжалостному отношению. Я заверил, что чувствую приток новых сил и готов усердно служить моей прекрасной королеве и повелительнице.

Глава VI

Во дворце

Красивый ореховый ящик, который служил мне спальней, по особому заказу королевы, изготовил придворный столяр. Ящик походил с виду на небольшой домик — два окошка, резная дверь, два платяных шкафа, он очень был похож на красивую спальню английской гостиницы. В ней была и широкая кровать из орехового дерева.

Королева так полюбила меня, что никогда не садилась обедать без меня. На королевский стол, возле левого локтя королевы, ставили для меня столик и стул. Ухаживала за мной во время обеда моя нянюшка Глюмдальклич.

У меня был свой особый серебряный сервиз — тарелки, блюда, супник, соусники и салатницы. Такие вы могли видеть в лондонских магазинах игрушек. Королеве было очень забавно смотреть, как я ем. Часто она сама

подкладывала мне на тарелку кусочек говядины или птицы, и с улыбкой, следила за тем, как я медленно съедаю свою порцию.

И королю нравилось беседовать со мной. Он засыпал меня вопросами о политике Европы, её религии, традициях и методах воспитания. Я, как мог, старался описать свою страну, а он внимательно меня слушал. Он частенько брал меня в правую руку и, услышав мои слова, смеялся. Ему было забавно, что у такой козявки, как я, были звание и должность, его веселило, как я называл домом наши крошечные строения, и не хотел верить, что у нас есть города и деревни. В такие моменты я краснел и становился пунцовым от злости из-за того, что так пренебрежительно отзываются о моей великой родине.

Однако, когда королева, поставив меня на ладонь, подходила к большому зеркалу, увидев нас двоих в нём, я сам начинал смеяться. Это потому, что не было ничего смешнее, чем сопоставлять наши с ней габариты.

Королева постоянно обвиняла меня в трусости и постоянно спрашивала, являются ли такими же боязливыми мои соплеменники. Причиной моей трусости было вот что: летом, в королевстве, плодились мухи. Эти огромные большеглазые противные насекомые были величиной с голубя. Эти назойливые, жадные твари не давали мне спокойно пообедать. Они запускали свои грязные лапы в мою тарелку, садились на мой нос или лоб. От них распространялся зловонный запах. Я отчётливо видел

мерзкую жижу, которая помогала мухам передвигаться по стенам и потолку. Я просто не знал, как от них отделаться, и в самом деле, готов был бежать куда глаза глядят от надоедливых и дерзких побирушек. Иногда остерегаясь, чтобы они не сели мне на голову, я постоянно вскакивал со своего места. Но потом я нашёл способ защиты.

Выходя к обеду, я брал с собой свой морской кортик и, как только мухи подлетали ко мне, быстро вскакивал с места и — раз! раз! — на лету рассекал их на части. Моё умение разбираться с ними приводило в восторг окружающих.

За лето я изъездил страну великанов вдоль и поперёк. Чтобы мне было удобнее путешествовать, и чтобы Глюмдадькич не уставала от большого, тяжёлого ящика, королева заказала для меня особый дорожный домик.

Это был квадратный ящик всего в двенадцать шагов длины и ширины, его высота равнялась десяти футам. В трёх стенах его проделали по окошку и затянули их лёгкой решёткой из железной проволоки. К четвертой глухой стене были приделаны две прочные пряжки.

Если мне хотелось ехать на лошади, а не в карете, верховой ставил ящик на подушку у себя на коленях, просовывал в эти пряжки кожаный ремень и пристёгивал к своему поясу.

Если не считать целый ряд смехотворных, а также ужасных событий, то я бы в этой стране жил в радости и благополучии. Иногда мне хотелось побыть одному. Тогда Глюмдальклич достав меня из ящика, выносила меня в сад и пускала побродить среди цветов по траве.

Один раз Глюмдальклич по моей просьбе оставила меня одного на зелёной лужайке, а сама подалась к своим подругам вглубь сада. Когда она удалилась на расстояние, на котором не могла услышать мой зов, ко мне подбежала белая пушистая собака одного из садовников.

Я не успел и крикнуть, как она схватила меня зубами, опрометью побежала в другой конец сада и положила там у ног своего хозяина, радостно виляя хвостом. Хорошо ещё, что собака умела носить поноску. Она умудрилась принести меня так осторожно, что даже не прокусила на мне платье.

Однако же бедный садовник, увидев меня в зубах своей собаки, перепугался до смерти. Он бережно поднял меня обеими руками и стал расспрашивать, как я себя чувствую. Но от потрясения и страха я не мог выговорить ни слова.

Только через несколько минут я пришёл в себя, и тогда садовник отнёс меня обратно на лужайку. Глюмдальклич была уже там. Садовник с поклоном вручил её меня. Девочка, внимательно осмотрев меня и увидев, что я цел и невредим, с облегчением перевела дух. Утирая слёзы, она стала укорять садовника за то, что тот впустил в дворцовый сад собаку.

Глюмдальклич и садовник решили молчать, так как боялись, что королева на них рассердится. И мне совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь прослышал о случившемся,

это наверняка, может навредить мне, подумал я.

После этого происшествия Глюмдальклич твёрдо решила ни на минуту не отпускать меня от себя. Это её решение долгое

время мучило меня. Поэтому я скрывал от своей нянюшки разные мелкие приключения, которые то и дело случались со мной, когда её не было поблизости.

Один раз коршун, паривший над садом, камнем упал на меня. Но я не растерялся, выхватил из ножек свою шпагу и, обороняясь ею, бросился в заросли кустов. Если бы не этот ловкий манёвр, коршун, наверно, унёс меня в своих когтях.

В другой раз, во время прогулки, я взобрался на вершину какого-то холмика, и вдруг по шею провалился в нору, вырытую кротом. Потом, объясняя, где и как я испачкал свою одежду, был вынужден отправиться на ночлег с большим опозданием. В третий раз я вернулся домой хромя, и сказал всем, что слегка подвернул ногу.

На самом деле, гуляя в одиночестве и вспоминая свою любимую Англию, я нечаянно наткнулся на раковину улитки и чуть не сломал себе ступню.

Глава VII

Возвращение в Англию

Когда я жил в стране, именуемой Бробдинберг, и хотя трудно было себе представить, как это может произойти, но я свято верил, что настанет день, когда я вновь обрету свободу. Судно, на котором я сюда приплыл, было единственным, приблизившимся к этим берегам. По приказу короля, если вдруг подобный корабль объявится на горизонте, его следовало вытащить на берег, а всех находящихся в нём мореплавателей доставить к нему. Он надеялся подыскать подходящую мне ростом женщину. Тогда, по его мнению, я обзавёлся бы детьми.

Однако я вовсе не желал, чтобы мои потомки, как и я, жили в клетке, и их в королевстве передавали из рук в руки или продавали, вроде каких-нибудь чудненьких созданий. Я предпочитал смерть подобным издевательствам.

Мне хорошо жилось при дворе бробдингнежского короля. Король и королева любили меня. Однако я чувствовал себя униженным и обделённым. Я только и

мечтал о том, чтобы опять жить среди людей, такого же роста, как и я, не остерегаясь быть раздавленным, словно лягушка.

Моё освобождение произошло неожиданно быстро и весьма необычно.

Я уже два года жил в этой стране. Вначале третьего я, Глюмдальклич, король с королевой и члены их семьи собрались в путешествие на южное морское побережье. Меня, по привычке, поместили в мой дорожный ящик.

Мне захотелось увидеть морское побережье. Я знал, что уехать из страны великанов можно только морем. А бедная Глюмдальклич, та совсем заболела дорогой. Ей пришлось лечь в постель. Я сказал всем, что плохо себя чувствую, убеждая, что солёный

морской воздух вылечит меня лучше всякого лекарства. Я попросил поручить одному из королевских пажей отнести меня на берег.

Глюмдальклич почему-то не хотела отпускать меня. Она всячески отговаривала меня от этой прогулки и отпустила только после долгих просьб и споров, скрепя сердцем, со слезами на глазах, будто предчувствовала что-то неладное.

Мальчик-слуга нёс ящик со мной добрых полчаса. Я сказал пажу, что устал и хочу вздремнуть и попросил поставить ящик на землю. Он плотно прикрыл окошко в крышке ящика, пожелав мне доброго сна, побежал к скалам разыскивать в расселинах птичьи гнезда с яйцами.

И вдруг сильный толчок разбудил меня. Я почувствовал, что кто-то дернул за кольцо, ввинченное в крышку ящика. Он качнулся и стал стремительно подниматься вверх. Я закричал что есть мочи. Я подбежал к окошку, со всех сторон я видел только облака и небо. Я прислушался — и всё понял. Должно быть, огромный орёл высмотрел домик и ухватив его за кольцо, несёт неизвестно куда.

Наверно, он хочет бросить его на скалы, как орлы бросают черепах, чтобы расколоть их панцирь и достать из-под него нежное черепашее мясо.

Вскоре ящик опять сильно качнулся. Я услышал орлиный клёкот и сильный шум. Ящик раскачивался направо и налево. И вдруг он как-то странно дрогнул и полетел вниз...

Страшный всплеск оглушил меня, и домик на минуту погрузился в полную тьму.

Потом, чуть покачиваясь, он поднялся наверх, и дневной свет понемногу пробился в комнату. Я понял, что мой домик упал в воду. По-моему, на орла, который похитил мой домик, напали два-три других стервятника. Защищаясь, похититель и выронил меня. Оказалось, домик смастерили на совесть, он оказался очень прочным. Он не потерял в воздухе равновесия, и упал, не перевернувшись.

Вспомнив Глюмдальклич, мне захотелось сейчас оказаться рядом с ней. Мне было очень жаль её, узнав

о моей пропаже, она, наверняка, будет горевать. Король и королева разгневаются на неё.

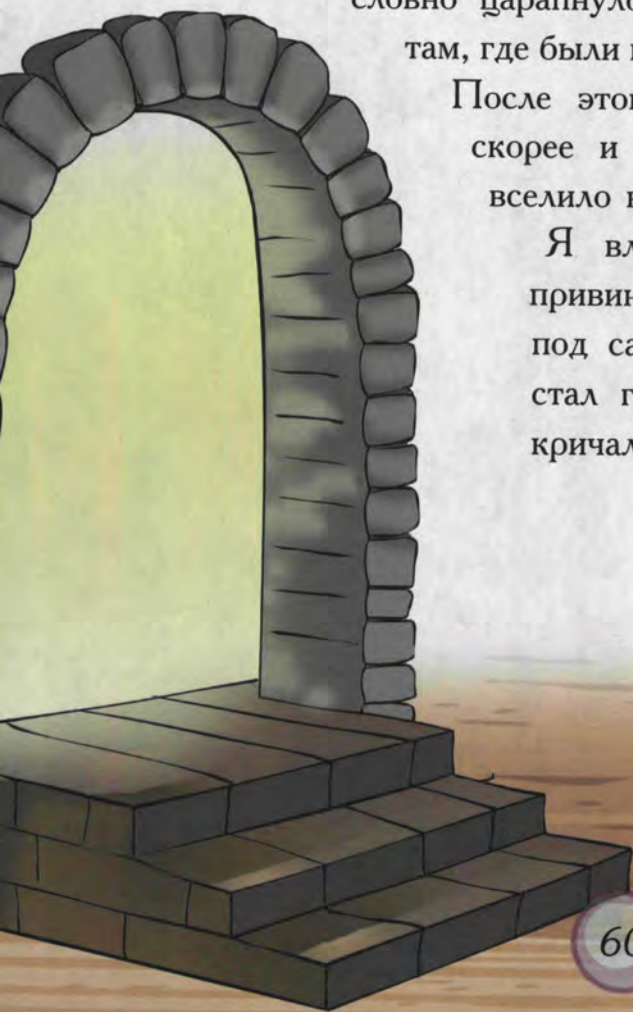
А что будет со мной, слабым, маленьким человечком, одиноко плавающим по океану, без матч и без руля, в неуклюжем деревянном ящике? Скорее всего, первая же большая волна перевернёт и зальёт мой домик или разобьёт его о скалы.

А может быть, ветер будет гонять меня по океану до тех пор, пока я не умру от холода и голода. Так я провёл четыре часа.

И вдруг мне почудился какой-то странный звук: что-то словно царапнуло по глухой стороне ящика, там, где были приделаны железные пряжки.

После этого ящик поплыл как будто скорее и в одном направлении. Это вселило в меня небольшую надежду.

Я влез на стол, который был привинчен посередине комнаты, под самым окошком в потолке, и стал громко звать на помощь. Я кричал на всех языках, какие знал.

Я взял свою трость, привязал к ней большой платок и, просунув трость в окошко, стал размахивать платком.

Однако же я ясно чувствовал, что мой домик быстро движается вперёд. Я снова подал голос. Когда мне ответили, я очень обрадовался.

Над головой у меня застучало, и кто-то громко закричал по-английски. Я стал умолять о помощи.

— Будьте совершенно спокойны! — ответили мне сверху.
— Ваш ящик привязан к борту английского корабля, и сейчас наш плотник пропилит в его крышке отверстие.

— Не стоит даром тратить время, — ответил я. — Гораздо проще просунуть в кольцо палец и поднять ящик на борт корабля.

Люди наверху засмеялись, шумно заговорили, некоторые из них посчитали меня сумасшедшим. Я ещё не осознал, что нахожусь рядом с такими же по росту и комплекции людьми, как сам.

Вскоре объявился плотник. Уже через несколько минут в потолке моей комнаты засветилась большая четырёхугольная дыра. Мне спустили трап, сначала я поднялся на крышу своего домика, а потом — на корабль.

Матросы окружили меня и наперебой стали расспрашивать, кто я, откуда, давно ли плаваю в море в своем плавучем доме и за что меня туда посадили.

Капитан судна заметил, что я едва стою на ногах от усталости, потрясения и растерянности. Он отвёл меня в свою каюту, уложил в постель и посоветовал как следует отдохнуть.

Я долго спал, и часто просыпался от сновидений о недавнем своём житье-бытие. Но всякий раз, очнувшись ото сна, хорошо чувствовал себя.

Всё-таки сон освежил меня, и я охотно согласился поужинать вместе с капитаном. Он рассказал, что увидел

в свой перескоп плавающий ящик, и чтобы доставить его к кораблю, отправил к нему людей на лодке.

Когда я подробно рассказал капитану о том, как я жил в стране великанов, однако он учтиво, поглядев на меня, спросил, вполне ли я здоров и не повреждён ли мой рассудок усталостью и несчастьями. Он посоветовал хорошенько отдохнуть и набраться сил, пока мы не доберёмся до Англии.

Я был на седьмом небе от радости, что, наконец, смог вернуться в лоно своей родины и семьи.

ЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА

Редактор

Мадина МАХМУДОВА

Художественный редактор

Зилола ТУЛАГАНОВА

Компьютерная верстка

Нигора УМАРКУЛОВА

Художники

Азиз ДЖАББАРОВ

Технический редактор

Умид ЯХШИМОВ

Лицензия № АІ № 252. 02.10.2014 года.

Подписано в печать 28.07.2017 г. Формат 70x100 1/16.

Печ.л. 4. Усл.печ.л. 5,18.

Гарнитура «Academia». Бумага офсетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 197.

Подготовлена к печати и отпечатано в ИЦ «Янги аср авлоди».
100113. Ташкент, Чиланзар-8, ул. Катартал, 60.

Телефоны:

Издательский отдел — 147-00-14; 129-09-72.

Отдел маркетинга — 128-78-43; 397-10-87. факс — 273-00-14.

e-mail: yangiasravlod@mail.ru